

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

Slavoj Žižek
Frank Ruda
Agon Hamza
Reading Marx

Славой Жижек
Франк Руда
Агон Хамза
Читать Маркса

Перевод с английского
Дмитрия Кралечкина
под научной редакцией
Софьи Щукиной

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2020

УДК 14
ББК 87.6
Ж70

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Жижек, С., Руда, Ф., Хамза, А.
Ж70 Читать Маркса [Текст] / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. С. Щукиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 176 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2138-0 (в пер.).

Ведущие исследователи работ Маркса предлагают неожиданную радикальную интерпретацию марксизма, объясняющую провалы неоллиберализма и закладывающую основания для новой политики освобождения. Не проводя плоских сравнений между мировоззрением Маркса и нашей сегодняшней политической ситуацией, Славой Жижек, Франк Руда и Агон Хамза показывают, что актуальное значение и ценность мысли Маркса лучше объяснить, включив его основополагающие идеи в диалог с теми, кто попытался его сместить. Прочитывая Маркса через Гегеля и Лакана, физику частиц и современные политические тренды, авторы предлагают новые способы объяснения кризиса современного капитализма, а также сопротивления фундаментализму во всех его проявлениях.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 14
ББК 87.6

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии Карла Маркса, фотограф Джон Дж. Э. Мейел (John Jabez Edwin Mayal, 1813–1901) <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Файл:Karl_Marx_001.jpg>

Переведено по: Slavoj Žižek, Frank Ruda, Agon Hamza. *Reading Marx*. This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-2138-0

ISBN 978-5-7598-2138-0 (в пер.)
ISBN 978-1-5095-2140-1 (англ.)

Copyright © Slavoj Žižek, Frank Ruda,
and Agon Hamza 2018
© Перевод на русский язык.
Издательский дом Высшей
школы экономики,
2019; 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЕ К ТЕКСТУ	6
ВВЕДЕНИЕ. НЕОЖИДААННЫЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ	7
ГЛАВА 1. МАРКС ЧИТАЕТ ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННУЮ ОНТОЛОГИЮ	25
ГЛАВА 2. МАРКС В ПЕЩЕРЕ	74
ГЛАВА 3. ОТПЕЧАТЫВАНИЕ НЕГАТИВНОСТИ: ГЕГЕЛЬ ЧИТАЕТ МАРКСА	126
ДЛЯ РЕЗЮМЕ (НО НЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	167

Примечание к тексту

Первая глава «Маркс читает объектно-ориентированную онтологию» написана Славоем Жижеком; вторая глава «Маркс в пещере» — Франком Рудой, а третья глава «Отпечатывание негативности: Гегель читает Маркса» — Агоном Хамзой. Введение и заключение написаны совместно.

Введение

Неожиданные воссоединения

Эта книга написана тремя философами. Ее цель — найти иные (пока еще неизвестные) способы читать Маркса. Этот коллективный проект, посвященный творчеству Маркса («Капитал» выступает одним из главных его источников, но ни в коем случае не единственным), выполняется в специфической философской и политической ситуации, в которой находимся мы сами. Это и правда странная ситуация, хотя и не исключительная. Чтобы показать ее странность и уникальность, рассмотрим в общих чертах «короткую историю» марксизма и коммунизма. У марксизма действительно «короткая» история, если сравнивать с другими историями, такими как триумфальная история демократии, форма которой, неполноценная на ранних этапах, т.е. в Древней Греции, когда из демократии были исключены женщины и рабы, складывалась намного медленнее, чем принято думать. Если посмотреть на предшествующие исторические ситуации и положение, которое занимали тогда «марксизм» или «коммунизм», можно увидеть некоторое сходство с текущей ситуацией. Сходство — поскольку сама мысль об освобождении (или революции) в этих исторических конфигурациях казалась почти такой же невозможной, как и сегодня (и даже, вероятно, более невозможной, если у невозможности есть градации).

Если смотреть на историю марксизма с марксистской точки зрения, мы, следовательно, можем сразу же заметить, что такие невозможности (например, невозможность освобождения) не являются, строго говоря, онтологическими, они всегда исторически детерминированы, а потому специфичны. Невозможность представить полное преобразование данной политической системы не носит исключительно понятийного характера, она определяется еще и конкретной исторической ситуацией, т.е. завязана на специфическую артикуляцию определенных пунктов невозможности. Если смотреть на историю марксизма с марксистской точки зрения, модальные категории должны раскрываться в своей историчности. Но это не все, чему учит нас такая точка зрения. Благодаря ей мы можем также понять, что практики, объединяемые именем «марксизма» или «коммунизма», часто предполагали превращение специфической исторической невозможности в новую возможность (освобождения); модальную трансформацию, которая всегда включала также некое самоутверждение, *Selbstbehauptung*, собственно марксизма, его центральных положений и аксиом. Достаточно вспомнить заявление о возможности иной организации общества, которое сначала нужно было сделать, и только потом для него был найден исторический референт в форме Парижской коммуны, ставшей отправным пунктом для преобразований в России.

Но, как впоследствии заявляли многие другие (не-марксисты), из истории марксизма можно и должно вывести в конечном счете еще и то, что за превращение ранее казавшегося невозможным в новую возможность приходится платить высокую цену — не только терпеть насилие и заставлять страдать миллионы людей, ставших жертвами неопишуемой несправедливости, но и производить новые структурные невозможности или же попросту замещать предшествующие невозможности другими. Таким образом, то, что казалось практическим преобразованием, с этой точки зрения дока-

зывает, что именно эти невозможности следует оставить в покое, поскольку в противном случае нас ждет неминуемая катастрофа.

К чему же мы пришли сегодня? Каково наше положение, если описывать его в категориях этой истории?

Во-первых, 2017 г. стал 150-летней годовщиной публикации первого тома «Капитала» Маркса. Этот исторический факт сам по себе поднимает ряд вопросов (касательно философской, идеологической, эпистемологической, политической и потенциальной значимости, релевантности и т.д. мысли Маркса), которые для нас являются определяющими, и в то же время сами определяются нашей актуальной ситуацией и историей, в которой эта ситуация сложилась. Данные вопросы рассматриваются в этой книге как прямо, так и косвенно. Но вы не найдете здесь прославления или безоговорочной апологии Маркса, как и попытки разделить в мысли Маркса живое и мертвое — в том смысле, в каком Бенедетто Кроче опрометчиво решил разделить философию Гегеля на части важные для современности и неважные. Скорее, вас ожидает попытка читать и, следовательно, думать вместе с Марксом как современником.

Во-вторых, наше общее убеждение состоит в том, что даже в текущей философской и политической ситуации присутствует теоретическая потребность, которую еще предстоит определить. Потребность в Марксе — если парафразировать известное высказывание раннего Гегеля о «потребности в философии» — это потребность заставить нас самих вернуться к творчеству Маркса. Однако мы согласны с тем, что на данном историческом этапе это возвращение может быть по своей природе лишь философским. Можно было бы даже сказать, что потребность в философии напрямую связана с потребностью в Марксе. Почему? Текущая историческая ситуация обычно понимается так: это ситуация, в которой мы наблюдаем постоянное сужение круга возможностей и практических инициатив освобожде-

ния; повсюду заметен откровенный регресс к предыдущим формам господства и к такому применению политической власти, которое долгое время казалось девальвированным историей, но ныне возвращается, словно бы в отместку. Достаточно вспомнить о подъеме новых авторитарных форм политики, включая как «популистские» националистические движения и партии, так и еще более авторитарные формы эксплуатации и производства стоимости — пресловутый капитализм с азиатскими ценностями (не имеющий в конечном счете никакого отношения к Азии), который, судя по всему, подрывает тезис о конце истории, как его понимал Фукуяма, т.е. связь между демократией и капитализмом, — а также такие формы эксплуатации, вроде бы навсегда оставшиеся в прошлом, как рабство и т.п. Однако если потребность в Марксе обнаруживается сегодня в ситуации, которая определяется еще и самой историей марксизма, ее нельзя правильно понять, не приняв в расчет и ту странную судьбу, выпавшую на долю мысли Маркса.

С одной стороны, о смерти Маркса было объявлено не раз и не два; порой казалось, что он окончательно похоронен под грузом обвинений в том, что является одним из главных виновников (если вообще не самым главным) всех тех жертв, к которым привела история марксизма. С другой стороны, как было показано Лениным еще в 1917 г., «все социал-шовинисты» (так Ленин называл реакционеров, выдававших себя за освободителей) «нынче “марксисты”, не шутите!»¹. «Маркс» стал мишенью операций, которые нейтрализуют радикальность того, что ранее связывалось с ним. Ленин описывает это следующим образом:

После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их *имени* для «утешения» угнетенных классов

¹ Ленин В. Государство и революция // Ленин В. Сочинения. Т. 25. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 357.

и для одурачения их, выхолащивая *содержание* революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его².

Утративший свое революционное острие Маркс канонизируется, становится священным именем — а священное всегда противостояло профанному, т.е. было тем, что выведено из круга практического применения³. «Маркс» стал «святым Марксом» (если вспомнить одно из полемических наименований, которые Маркс с Энгельсом использовали в своем «Святом семействе»). Эта канонизация «Маркса» в «святого Маркса» лишает его имя всякого отношения к актуальной ситуации. Такое лишение осуществляется только за счет застопоривания определенных элементов и содержаний, конститутивно связанных с этим именем, а потому опирается на специфические операции смещения, которые «выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии»⁴. Такие приемлемые в мысли Маркса элементы выдвигаются на первый план, начиная отбрасывать длинные тени на то, что все еще кажется в его мысли неприемлемым, преувеличенным, бесстыдным или же просто слишком революционным. Превращение «Маркса» в «святого Маркса» проявилось впоследствии в форме безобидного идолопоклонства, которое, по мысли Ленина, позволило собраться вокруг его имени политическим группам, никак на самом деле не связанным с идеей освобождения или же революции. Даже если некоторые из них искренне требуют перемен, в действительности они делают все, что в их силах, чтобы не дать этим переменам осуществиться. Ленин описывает такое сакра-

² Там же.

³ См.: *Agamben G. Profanations*. N.Y.: Zone Books, 2007. [Рус. изд.: *Агамбен Д. Профанации*. М.: Гилея, 2014.]

⁴ *Ленин В. Указ. соч.* С. 357.

лизирующее присвоение Маркса, выполняемое за счет ряда операций, следующим образом: они «забывают, оттирают, искажают»⁵ мысль Маркса, это «“обработка” марксизма»⁶, позволяющая превратить его в то, что кажется удобным.

Например, некоторые заменили «классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов», так что «о революции пролетариата оппортунист разучился и думать»⁷. Кто угодно мог стать марксистом в силу забвения, затемнения и искажения того, что значит быть марксистом. Ленин приводит подробный список конкретных операций, применяемых для обработки Маркса (и марксизма): это, в частности, подавление, искажение, затирание, «улучшение», отрицание, прикрытие, упрощение, предательство, опошление, уклонение, невнимание и абсурдное применение. Каждая из них сама по себе и тем более все они вместе порождали более тонкую практику ассимилирующего сопротивления Марксу (и марксизму), нежели какое угодно прямое отвержение или же нападение; темные и реактивные субъекты просто присваивают само имя, представляющее освобождение. В результате Маркс был и правда превращен в безобидного идола, которого легко обожать, раз он стал оловянным божком, бестолковым и немощным (вместе с «Энгельсом», его слабосильным «ангелом»). Такой идол, искаженный и представленный в ложном свете, выходит поэтому на поле истории без своего революционного (т.е. концептуального) молота. По Ленину, эта историческая ситуация ставит вопрос о том, как сохранить верность Марксу в то время, когда марксизм представляется в ложном свете, и именно по этой причине в «Государстве и революции» он пытается восстановить истину марксизма, вернуться к его фунда-

⁵ Ленин В. Указ. соч. С. 357.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 375, 400.

ментальным принципам (которые, с точки зрения Ленина, сосредоточены не в классовой борьбе, как можно было бы подумать, а в диктатуре пролетариата). Короче говоря, он проводит десакрализацию, профанацию «Маркса», которую можно снова провести лишь в том случае, если описать специфическое современное значение мысли Маркса, основываясь на конкретной исторической ситуации. Истина имени Маркса может быть восстановлена лишь в том случае, если она станет действенной в качестве истины этой конкретной и уникальной исторической ситуации во всей ее специфике, а не просто как трансисторический догматический канон, а если и в качестве последнего, то лишь на условии, что этот канон будет частью этой истины. Это значит, что нужно не оценивать значимость Маркса с точки зрения исторической ситуации, а продемонстрировать значимость марксистской точки зрения для уникальной исторической ситуации. Принцип, следовательно, не в том, что на Маркса надо смотреть глазами ситуации, а в том, что сама ситуация должна рассматриваться глазами Маркса.

Очень хочется признать современность диагноза Ленина, поскольку, хотя «Маркс» сегодня обычно считается «старьем», даже консерваторы все более склонны с ним соглашаться. Как такое возможно, учитывая, что вряд ли они готовы записаться в ряды революционных марксистов (ленинистов и т.д.)? Во многих случаях ответ заключается в том, что они считают правильным и убедительным экономический анализ Маркса, но при этом предполагают, что политические выводы, сделанные из него классическими марксистами, совершенно неверны⁸. Похоже, что судьба Маркса

⁸ Ленин яростно критиковал такую позицию (хотя она открыто признает существование классов и классовой борьбы), заявляя: «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры» (*Ленин В.* Указ. соч. С. 384). Сегодня мы могли бы скорректировать этот тезис, если вспомним о недавней победе Трампа в США. Нельзя ли

со всеми ее странностями еще не решена. Его теоретическая позиция, догматически укрощенная в официальном государственном учении, а потом без следа растворившаяся, как может показаться, в «странах реального социализма» (или марксизма), которые сами остались в прошлом, превратилась в предмет академических исследований, интересный и важный даже для тех, кто ранее могли бы казаться классовыми врагами, но совершенно неинтересный в контексте освободительной политической теории и революционной практики.

Можно было бы сравнить сегодняшнее положение дел с ситуацией 1960-х, когда марксизм все еще оставался частью философских, политических и культурных дискуссий, элементом, чье значение и потенциал должны были постоянно переопределяться в исторической практике и спорах, отражавших эту практику и направлявших ее. Теперь же ситуация другая. Если прошлое столетие стало периодом, который, говоря в целом, отправлялся от того, что история потенциально открыта, что есть политические возможности — даже если сначала их нужно найти, а потом уже проанализировать их истинный политический потенциал (такими воз-

почитать ее реакционной репрезентацией буржуазного господства, заявившего наконец: «Смотрите, объективных фактов не существует, есть только реальность, опосредованная классовой борьбой. И на этот раз мы победили!»? Если те, кто традиционно должен вроде бы отрицать существование классовой борьбы, открыто заявляют, что классовая борьба есть (и здесь следует проявить осторожность: она и в самом деле есть), их больше нельзя критиковать за то, что выражение их позиции построено на классовом искажении (и это относится даже к критике идеи «фальшивых новостей»: нельзя ли сказать, что это просто странная форма усвоения того факта, что в сфере политики нет нейтральных фактов? Это, конечно, значит не то, что надо одобрять Трампа, а то, что его «политика» усваивает нечто такое, что ранее обладало освободительным потенциалом, — а потому, возможно, нет ничего удивительного в том, что Стив Бэннон назвал себя ленинистом, предварительно сделав из «Ленина» «святого Ленина»).

возможностями были революции, студенческие восстания, антиколониальная борьба, освобождение женщин и т.д.), то сегодня Маркс (и марксизм), похоже, утратил свою связь с конкретными практиками. Мы, получается, живем в такое время, когда уже нет того, что ранее было конститутивным для собственно исторической темпоральности (а ее «двигатель» часто без лишних слов отождествляют с динамикой капиталистической системы как таковой). Сегодня не происходит массовых политических событий (даже если так называемая Арабская весна пообещала нам возможность пробуждения истории⁹), а предшествующие массовые события, похоже, не оказали никакого долгосрочного воздействия (их реальные последствия, даже если не считать их однозначно катастрофическими, неясны, по крайней мере в той части, что касается их современного эффекта, и это относится даже и к самому понятию революции). Если раньше люди должны были сверять свое политическое, понятийное и философское воображение по событиям, которые они проживали и в которых могли активно участвовать, то сегодня мы находимся в исторической ситуации, когда, вообще говоря, современность не предлагает нам ничего, кроме последовательного сужения круга возможностей, концептуальных средств и инициатив, благодаря которым можно было бы хотя бы представить себе это освобождение и подумать о нем. Более того, она сталкивает нас с отсутствием практик того вида, что заставили бы нас мыслить (иначе) и моделировать (по-другому) наши средства и инструменты — как практические, так и теоретические. Есть известный афоризм: легче представить, что в Землю врезалась комета, чем вообразить хотя бы мельчайшее изменение в работе капиталистической системы. Это докса,

⁹ См.: *Badiou A. The Rebirth of History: Times of Riots and Uprisings.* N.Y.: Verso, 2012.

которая, похоже, распространяется даже на те многочисленные позиции, которые на словах заявляют о несогласии с самой этой системой.

Уже в XX в. марксисты понимали: все развивается так быстро, что очень сложно поддерживать понятийное воображение в актуальном состоянии, поскольку ход событий и реакции на них заставляли их постоянно продумывать все заново (как продолжать, что делать и т.д.). Но сегодня наблюдается весьма специфическое регрессивное развитие, которое ведет в другом направлении — к царству реакции, регрессивных и обскурантистских тенденций. Вопреки оптимизму марксистов XX в. (особенно 1960-х годов), мы утверждаем, что энергия развития не приведет к подъему рабочего класса или же уничтожению системы господства, определяющей основные черты современного мира, а потому ее результатом не станет неизбежный социализм (сегодня это известно каждому).

Идея, что существует скрытый субъект будущей революции, которого нужно просто найти и привлечь к делу, представляется одним из существеннейших ограничений классического марксизма, особенно в тот период, когда динамика капитализма проявляется в форме социальной организации, в которой исключенные больше даже не эксплуатируются системой; они, наоборот, не допускаются к ней, удерживаются за ее стенами, сегодня едва ли не повсеместными: это обитатели трущоб, беженцы, все те, кого Гегель называл беднячкой чернью¹⁰. Предел, а также истина современного мира, как он существует сегодня (и который, независимо от того, насколько он глобален, больше не является миром в собственном смысле слова, что было доказано Аленом Бадью), есть, по сути дела, обновленная форма варвар-

¹⁰ См.: *Ruda F. Hegel's Rabble. An Investigation into Hegel's Philosophy of Right.* L.: Continuum, 2011.

ства. Знаменитая структурная дихотомия прошлого — «социализм или варварство» — сегодня, судя по всему, больше не работает, поскольку закончился период колебаний между «(капиталистическим) варварством и (социалистическим) варварством», так что мы остались с тавтологическим выбором между «(капиталистическим) варварством и (варварским) капитализмом», т.е. единственным выбором, который нам доступен.

Таким образом, сегодня мы предполагаем, что чтение Маркса имеет специфическое философское значение. Можно ли еще добыть из Маркса какие-то ресурсы, не просто не известные предшествующим формам марксизма, но и пригодные для того, чтобы задать такое направление освобождения, которое отвечало бы текущей исторической ситуации? Как читать Маркса, чтобы ответить на этот вопрос? Славой Жижек в первой главе этой книги выступает с тезисом, представляющимся главной посылкой нашего прочтения: то, что нам требуется в нашей сегодняшней ситуации, — это не обязательно прямое прочтение его работ, скорее, нам нужно воображаемое, изобретательное, экспериментальное чтение. То есть нам нужно читать Маркса так, чтобы придумать, как он сам бы ответил тем своим критикам, которые объявили его мертвым или же приручили его, приняв специально сфабрикованную марксистскую позицию, т.е. критикам, которые стремятся сместить его или же сделать его совместимым с теориями совершенно иной политической и онтологической направленности. Подобный маневр в прочтении может также сделать необходимым столкновение Маркса с теоретическими позициями и концептуальными сюжетами из истории эмансипационной мысли, которые на первый взгляд кажутся чуждыми классическому марксизму, что демонстрируется в главах, написанных Франком Рудой и Агоном Хамзой. Руда исследует, что происходит с Марксовым описанием самого устройства парадигмы капитали-

стической субъективности (рабочего), если прочитать его на фоне одного из древнейших мифов об освобождении (от любых мифов), а именно платоновской аллегории пещеры. Хамза начинает с теории труда Гегеля, по мысли которого работа — это деятельность, которая отпечатывает негативность в самом продукте труда. Таким образом, он стремится построить модель марксистской теории труда, которая преодолела бы различие между абстрактным и конкретным трудом, а также рассматривает, что это значит для понимания марксизма.

Эти три главы можно расположить на определенном историческом и политическом фоне ряда разных прочтений «Капитала». Хамза в другом своем тексте утверждал, что существуют марксисты, которые специально читают «Капитал» в свете знаменитого тезиса из «Манифеста»: капитализм «производит прежде всего своих собственных могильщиков»; с их точки зрения, кризис в капитализме — это кризис *капитализма*, так что он производит орудия, позволяющие его же преодолеть. Другие читают «Капитал» в свете другого тезиса из «Манифеста» — о перманентной социальной революции, производимой буржуазией: с их точки зрения, кризис — это момент перманентной внутренней революции капитализма, элемент его самовоспроизводства. Какой вариант убедительнее? Возможно, ни тот ни другой. Мы постепенно начинаем понимать нечто намного более ужасное, а именно то, что капитализм и в самом деле может воспроизводить свою логику сколь угодно долго и что он действительно достигает своего предела. Но этот предел — не социализм или коммунизм; это варварство (регрессия к нему): предельное разрушение естественной и социальной субстанции в «нисходящей спирали», которая при таком разрушении не признает никакой «проверки реальностью». В этом смысле «могильщики», производимые капитализмом, — это могильщики всех альтернатив, по-

следних зерен потенциальной свободы и т.д. — вот почему ни один освободительный проект не может рассчитывать на имманентную логику капитализма, которая бы указала путь наружу, и точно так же не может он ждать его краха, надеясь, что последний не утянет нас за собой¹¹.

Как мы уже сказали, мы будем читать Маркса как философы. Это не может не напомнить нам о тезисе Луи Альтюссера из работы «Читать “Капитал”». Он и его соратники «читают “Капитал” как философы», т.е. это чтение, фундаментально отличное от того, которым раньше занимались экономисты, историки и филологи¹². Мы должны добавить: мы читаем «Капитал» не (просто) как политическую книгу. Мы не исследуем то, каков статус Марксовой критики политической экономии в общей истории наук, как не занимаемся мы и ее непосредственным значением для современного экономического анализа; точно так же мы не читаем Маркса и его «Капитал» как политико-исторический документ, поскольку он, насколько можно судить, сам по себе не предлагает подходящей для современных условий политической «программы», которую можно было бы применять на практике.

Альтюссер и его студенты занимались симптоматическим чтением «Капитала» Маркса. Он заявил: «Не существует такой вещи, как невинное чтение, мы должны сказать, в каком чтении мы виновны». Читая сам текст «Капитала» и применяя методологию симптоматического чтения, мы, по Альтюссеру, можем достичь вытесненной сущности текста и понять ее — в одном тексте всегда присутствует два, — т.е. понять ту сущность, что скрыта и что может проявиться

¹¹ По этому вопросу см.: *Hamza A. The Refugee Crisis and the Helplessness of the Left // The Final Countdown: Europe, Refugees and the Left / J. Krečić* (ed.). Ljubljana: IRWIN, 2017. P. 175.

¹² *Althusser L. et al. Reading Capital: The Complete Edition*. N.Y.: Verso, 2015. P. 12.

в таком чтении. Следовательно, мы можем проблематизировать и реконструировать своего рода бессознательное самого текста. Альтюссер доходит до того, что считает само существование марксистской философии обусловленным этой формой чтения, поскольку в нем эти понятия и философия могут быть представлены в явной форме, «установив необходимый минимум для непротиворечивого существования» этой философии; причем начать надо с разглашения симптома данного отношения или данного текста.

Альтюссер и группа его соратников инициировали проект создания философских оснований чтения «Капитала» Маркса. Неудивительно, что «Читать “Капитал”» начинается с эссе Альтюссера «От “Капитала” к философии Маркса». Это название как нельзя лучше отражало цели и траектории всего этого проекта. Чтение «Капитала» Маркса, которое в качестве точки отсчета выбрало Спинозу, велось на эпистемологическом основании. Грубо говоря, Альтюссер занимался вопросом «его отношения к своему предмету, отсюда вопрос специфики его предмета и одновременно вопрос специфики его отношения к этому предмету»¹³. Философия работает в поле знания и обеспечивает его (вос)производство. Она существует только в поле знания, занимаясь эффектами знания и мысля их на своей собственной территории.

В творчестве Альтюссера «Капитал» Маркса занимает особое место. «Капитал» отличается от «классических экономистов» не только предметом и методом¹⁴; он еще и представляет собой «эпистемологическую мутацию»,

¹³ *Althusser L. et al.* Op. cit. P. 12.

¹⁴ Различие между Марксовой «критикой политической экономии» и классической политической экономией и классическими экономистами подчеркивается Михаэлем Хайнрихом в его «Введении к трем томам “Капитала” Маркса»: *Heinrich M. An Introduction to the Three Volumes of Marx's Capital*. N.Y.: Monthly Review Press, 2004. P. 29–38.

учреждая, таким образом, новый предмет, метод и теорию. Именно поэтому Альтюссер делает смелый шаг и ставит следующий вопрос (в действительности являющийся тезисом): «Представляет ли “Капитал” основополагающий момент новой дисциплины, основополагающий момент науки, а потому и реальное событие, теоретическую революцию, отвергая классическую политическую экономию и в то же время гегелевскую и фейербаховскую идеологии ее предыстории, — представляет ли он абсолютное начало истории определенной науки?»¹⁵. С точки зрения альтюссеровского понимания науки, по отношению к которому авторы этой книги настроены в каком-то смысле критически, открытие Маркса состоит в открытии нового научного континента, а именно континента науки истории, которое, если судить в рамках истории наук, сравнимо с двумя другими сходными открытиями: континента математики (греками) и континента физики (Галилеем). Открытие нового континента науки предполагает «смену территории» или, если использовать более знакомые категории, эпистемологический разрыв. Каждое крупное научное открытие — а по Альтюссеру открытие науки истории является «важнейшим теоретическим событием современной истории» — влечет существеннейшее преобразование философии. Так обстояло дело в случае математики и Платона (рождение философии), физики и Декарта (начало современной философии), наконец, науки истории и Маркса. Новая практика философии, которая была учреждена одиннадцатым тезисом о Фейербахе, отмечает собой конец классической философии. Однако марксистская философия, т.е. диалектический материализм, всегда приходит слишком поздно, всегда отстает от истории науки, т.е. исторического материализма. Альтюссер утверждает в то же время, что философия не

¹⁵ *Althusser L. et al. Op. cit. P. 13.*

только всегда плетется за науками, но также всегда приходит следом за политикой. Однако, поскольку «Капитал» является в конечном счете, по Альтюссеру, основанием или «абсолютным началом» истории наук, это продукт своей собственной истории, который отмечает, таким образом, разрыв со знанием современной экономики, политической экономии. Альтюссер и его соавторы, концептуализируя «Капитал» за счет применения инструментов симптоматического прочтения, прочли его с эпистемологической позиции и попытались опираться на эпистемологические (по большей части) послышки философского чтения, которое стало рамкой для «Капитала».

В отличие от коллективного предприятия Альтюссера, эта книга не является ни продолжением, ни продуктом семинара по «Капиталу» Маркса и критике политической экономии (она возникла не из общего проекта, который проводился бы в рамках университета), точно так же не является она плодом тайной философской ячейки (которая была бы сравнима со «спинозовским кружком» Альтюссера). Мы также не желаем расширить границы новой научной территории, к которой впервые прикоснулся Маркс. Наш подход к Марксу и к критике политической экономии намного более частный или ангажированный. Мы в нашем эксперименте пытаемся поставить вопрос не о том, что можно сделать в наши дни с Марксом на практике, а о том, что можно и нужно философски продумать (в том числе заново), а также исследовать, какие для этого есть продуктивные (и непродуктивные) инструменты. Это не даст нам полной системы координат для чтения Маркса в XXI в.; скорее, каждая из глав, которые вам предстоит прочесть, — это частичное, частное или конкретное чтение, пытающееся выявить неожиданное (подавленное или затемненное) общее измерение в том, что могло казаться маргинальным и что заметно, видимо, лишь при взгляде вкось на Маркса (взгляде, который в ряде случа-

ев должен быть еще и взглядом издалека). К тому же в этой книге мы не пытаемся дать оценку едва ли не бесчисленным прошлым прочтениям, представленным в XX в. и раньше. Наш подход не только частичный, он еще и решительно не-энциклопедический. Скорее, в каждом из наших прочтений мы предпринимаем попытку произвести нечто неожиданное в самом Марксе и/или получить нечто неожиданное от Маркса, и пусть читатели сами судят, удался ли этот эксперимент, где именно он мог провалиться, где он уже провалился или провалится в будущем. То есть эта книга может быть прочитана как вклад в неожиданное воссоединение с Марксом (и марксизмом). Почему именно неожиданное воссоединение?

Эрнст Блох (как и Франц Кафка) однажды отметил, что история Иоганна Петера Хебеля — о неожиданном воссоединении — является «прекраснейшей историей на свете»¹⁶. Она повествует о молодом шахтере, который собирался жениться, но незадолго до свадьбы не вернулся с работы домой — видимо, погиб в шахте. Когда спустя пятьдесят лет часть этой шахты обрушилась, был найден труп молодого рабочего — полностью сохранившийся, словно бы он все эти годы пролежал в какой-то жидкости, которая поддерживала тело в том состоянии, в каком оно было на момент смерти. Сначала его никто не узнает, поскольку все его родственники уже умерли, но потом одна седая старуха с костылями, его бывшая невеста, приходит посмотреть на тело и тут же опознает его. Она участвует в похоронах — «словно бы это была ее свадьба», а когда тело опускают в могилу, она, прощаясь, говорит: «Спи спокойно еще один день, неделю, сколько захочешь на своем холодном брачном ложе, и пусть время не давит на тебя своим грузом! Мне осталось

¹⁶ Bloch E. Nachwort // Hebel J.P. Kalendergeschichten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1965. S. 139.

лишь завершить свои дела, и вскоре я присоединюсь к тебе, скоро наступит рассвет».

Эта книга — попытка устроить такое же неожиданное воссоединение с Марксом, не похоронить его и нас вместе с ним раз и навсегда, а продумать различные способы (снова) воссоединить освободительное мышление с его именем: поскольку, возможно, нам осталось сделать лишь несколько вещей и вскоре мы соединимся с ним, «скоро наступит рассвет» — ведь час философии всегда приходился на тот момент, когда день обращается в сумерки. Так что давайте начнем делать то, что нужно делать: читать Маркса.

Берлин — Любляна — Приштина

СЕРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/25279520>

Научное издание

Славой Жижек, Франк Руда, Агон Хамза
ЧИТАТЬ МАРКСА

Второе издание

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор АНАСТАСИЯ АРХИПОВА
Верстка: СВЕТАНА РОДИОНОВА
Корректоры ЕЛЕНА АНДРЕЕВА, ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

Дизайн обложек серии: ПОЛИНА ЛАУФЕР (ABCdesign)
Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 10.10.2019. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 7,6. Печать струйная ролевая
Тираж 1000 экз. Изд. № 2373. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59